

27 июля 1971 г. • № 181 (13368)

ИСКУССТВО МОЛОДЫХ

К ОКОНЧАНИЮ ГАСТРОЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Сегодня в Челябинске закрывается гастрольный запавес Ленинградского театра имени Ленинского комсомола.

Слово «ленинградский» стало уже паролем для южноуральцев. Неоднократно посещая Челябинск посланцы искусства славного города оставили самые отменные воспоминания. Театр имени Ленинского комсомола, во второй раз приехавший к нам, также доставил немало светлых эстетических переживаний. Конечно, между ним и его землячскими коллективами нельзя проводить прямой параллели. Да это и не нужно. Достоинство театра имени Ленинского комсомола в том и состоит, что он ищет свое творческое лицо, свой сценический почерк. Можно сказать, что на нынешней сцене этого театра кипит прямое отражение те дискуссии, которыми сейчас охвачены театральные умы. Но театр, как кино, не боится споров. И это уже одно из достоинств, которое должен признать непредубежденный зритель.

Актерский коллектив наших именитых ленинградских гостей молод, и в этом, как признает главный режиссер Г. Опошков, и его достоинства, и недостатки. Театр молод не только по возрасту труппы, он молод и по тому забору и азарту, с козырями решает свои творческие задачи, по сценической манере. В его режиссуре отчетливо прослеживается стремление расширить выразительные средства драматической сцены, привлекая музыку, хоровое пение, танец, пантомиму и даже акробатику. И надо признать, что молодые режиссеры успешно овладевают мастерством организации такого синтетического спектакля. Так, в спектакле «Дансинг в ставке Гитлера» пантомима и хор узников выразительно подчеркивают антифашистский пафос постановки.

Политический задор и остроты режиссуры находят свое выражение в прощической линии постановок. В этом отношении показателен спектакль «Три мушкетера», построенный на контрасте исторического и современного.

В актерском творчестве наблюдается стремление, как можно достовернее, доверительнее сыграть роль. И с этой точки зрения зрители обратили внимание на творчество многих актеров, таких, как А. Малеванная, Н. Никитина, Г. Демидова, А. Бриллиантова, Г. Горин, В. Яковлев, Ю. Загравкин и другие.

Но при всем этом, как нам кажется, в творчестве театра заметен и один весьма существенный недостаток: недооценка сил сценического слова. Актеры, решая разнообразные «синтетические» задачи, а режиссеры, выстраивая сложную полифонию спектакля, почти жестоко глушат слово. И, как бы это ни казалось странным, актеры драматического театра ярче всего выглядят в тех сценах, где значение слова неведомо до минимума, а то и вовсе отсутствует. Так, например, в спектакле «Три мушкетера» А. Киракосян и Э. Романов с ярким пародийным блеском играют сцену любовного свидания королевы Анны и герцога Бжизингема. Это прямо-таки великолепный эстрадный номер. Но текст здесь состоит из звукоподражательной бравады.

Вообще А. Киракосян оставляет яркое впечатление, как актриса самобытного дарования. Но, как видно, в своем стремлении разговаривать на сцене с невозможной бытовой достоверностью она забывает о необходимости доносить каждое слово до зрителя. И, видимо, не случайно в роли Елены Тальберг («Для Турбиных») дарование А. Киракосян не принесло желаемых результатов. Да и режиссуре вряд

ли стоит столь безоглядно прибегать к объяснению «молчаливой» актрисы и делать из нее универсальную исполнительницу.

Впрочем, спектакль «Для Турбиных» вообще показал, что там, где нет музыкально-хореографического подспорья, творчество молодой труппы заметно бледнеет.

Не следует также забывать, что в увлечении синтетическим машинерией таятся весьма опасный подвох. Так, в том же спектакле «Дансинг в ставке Гитлера» пантомима большое место заняла труппа и хоры «баричей в белых штанах», которых ренатают всеми фибрами души первой произведения Аиста за то, что эти «гадензиши» превращают свою страну в лавочку и втаптывают в дерьмо свои молодые тела, за то, что все они радят сверкающих «мерседесов», «покинули бы свою страну, только бы не измокнуть от труда, не запачкаться, делая какую-то честную работу...». И вот вдруг в спектакле хоры и танцы этих «баричей» становятся основным фоном, на котором разворачивается все сценическое действие. Это напоминает некоторые спектакли тридцатых годов, когда театр, желая обличить нравы буржуазии, обильно и со вкусом показывал, как она «разлагается».

Заметим, кстати, что радио-машинерия, которая здесь подменяет живое пение, грохочет так, что слов (опять же!) совершенно нельзя различить, и становится уж вовсе непонятно, о чем и для чего поют «баричи в белых штанах».

Нет нужды ратовать за ограничение режиссерских поисков, но поиски режиссера драматической сцены не должны отрываться от ее основного оружия — от ярко звучащего, самосильного, как говорил А. М. Горький, сценического слова. Можно пользоваться машинерией, но только в той мере, в какой она не заслоняет от зрителя живого слова и актера, плодотворно творящего на сцене яркий человеческий характер.

Хотелось бы сделать замечание и о гастрольном репертуаре театра. Всем известны сетования театров на вехнату пьес. Но не слишком ли фетишизируют театральные деятели эти сетования? Создается впечатление, что они видят свою главную задачу лишь в том, чтобы прокламировать свои претензии драматургии. Не более ли плодотворно будет практически искать авторов, работать с ними? Вот нашел же театр, о котором здесь идет речь, пьесы, написанные по роману А. Дюма и повести А. Брыкса. Однако среди двадцати спектаклей, что мы посмотрели в течение этого месяца, не оказалось ни одного на собственно комсомольскую тему. Нельзя сказать, что показанные спектакли противоречат задачам эстетического воспитания молодежи, нельзя рассматривать этот вопрос узко, ограничительно. Конечно, театр должен развивать у своих молодых зрителей и тонкость вкуса, и глубину чувств, и благородство в любви и дружбе, гневно бичевать человеческие пороки. Но ведь театру, носящему имя Ленинского комсомола, надо создавать яркий образец для подражания на жизненном материале комсомольской героики. А вот такого спектакля мы, к сожалению, не увидели.

Повторим, гастроль театр в целом оставил хорошее впечатление. И при всех спорных сторонах его творчества челябинские гастроль подтвердили, что к нам вновь приезжал именно ленинградский театр.

В. ВОХМИНЦЕВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Дансинг в ставке Гитлера», Анна — Л. Киракосян, Аист — В. Яковлев.

Фото Л. Паширова.

